

УДК 902 + 903.26(571.1)

ОБ ОДНОЙ ГИПОТЕЗЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУЛАЙСКОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКИ

Ю. П. Чемякин

A HYPOTHESIS FOR THE ORIGIN OF KULAİKA CULT DECORATIVE METAL

Yu. P. Chemyakin

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта № 14-06-00287а «Металлургия горно-лесного Урала в раннем железном веке».

В статье анализируется гипотеза о влиянии наскального искусства Саяно-Алтая на становление кулайской культовой металлопластики. Краткий обзор бронзового литья из разных регионов кулайской культурно-исторической общности показывает, что его корни лежат в местных традициях, прослеживаемых вплоть до энеолита. Появление же петроглифов в кулайском стиле на берегах р. Томи может свидетельствовать о миграциях кулайского населения в этот регион или о контактах с кулайским миром.

The paper examines the hypothesis about the influence of rock art of the Sayano-Altai mountains on the formation of Kulaika cult metal. A brief overview of bronze casting from different regions of the Kulaika cultural-historical community shows that its roots lie in the local tradition, traceable up to the Bronze Age. The appearance of petroglyphs in Kulaika style on the banks of the Tom river may indicate the migration of Kulaika population in the region or the contacts with Kulaika world.

Ключевые слова: кулайская культура, металлопластика, петроглифы Саяно-Алтая.

Keywords: Kulaika culture, cult decorative metal, petroglyphs of the Sayano-Altai mountains.

Десять лет назад юбиляр предположил, что на возникновение кулайского ажурного литья могли оказать влияние петроглифы Саяно-Алтая. «Создатели образов из бронзы в «петроглифической» манере должны были неоднократно видеть наскальные изображения... Не исключено, что создатели своеобразного, плоского художественного литья когда-то и сами имели святилища с изображениями на скалах» [1, с. 312]. Еще раньше близкий взгляд на связь петроглифов с ажурным кулайским литьем выразил А. И. Соловьев [16]. В. В. Бобровым были выдвинуты следующие тезисы:

1) возникновение кулайской культуры и ее искусства (V – IV вв. до н. э.) совпало с бурными демографическими процессами в районах Южной Сибири, с активными историческими событиями в Евразийском поясе степей и Передней Азии;

2) в кулайской металлопластике достаточно высокий процент (около половины) связан с изображением образов лося и хищников; также многочисленны орнитоморфы, что по содержанию близко скифо-сибирскому искусству звериного стиля;

3) нигде в Евразийском пространстве лесной полосы не сложилось такого «петроглифизированного» искусства мелкой пластики, как в тайге Западносибирской равнины;

4) кулайцы, скорее всего, сохранили навыки и технические приемы нанесения изображений на камне, о чем свидетельствуют петроглифы р. Томи [1, с. 312].

Представляется, что, говоря о кулайской культуре, В. В. Бобров имел в виду в первую очередь ее нарымский вариант, материалы которого послужили Л. А. Чиндиной основой для характеристики кулайской культурно-исторической общности (КИО) в целом, в том числе для решения вопросов о генезисе культуры, ее эволюции, миграциях и т. п. [26]. Ее ра-

бота во многом предопределила дальнейшее изучение кулайской археологической культуры (АК). По мнению Л. А. Чиндиной, расселение «кулайцев» по Приобью, выразившееся в появлении саровских комплексов и прежде всего керамики на широкой территории, свидетельствует о сложении «кулайской историко-культурной общности» [26, с. 174; 27, с. 410].

В Томском и Новосибирском Приобье, куда, по современным представлениям, мигрировала часть кулайского населения, были выделены локальные варианты кулайской АК [13; 15; 18]. Сложнее ситуация в Среднем Прииртышье, где одними авторами выделяется среднеиртышская АК [25, с. 223 – 224; 9; 10], другими – сперановский этап потчевашской АК [4], третьи полагают, что сегодня нет оснований для выделения особой культуры, и считают ее кулайской саровской [3], но всеми признается ее пришлый характер. Когда в Сургутском Приобье были открыты и изучены памятники, содержавшие «кулайскую триаду» (керамику, украшенную фигурными штампами, в т. ч. «уточкой», оружие, включая наконечники стрел «кулайского типа», и культовое литье), они также были отнесены к кулайской культуре. Позже были выявлены отличия сургутских древностей от нарымских, и возникло представление о сургутском варианте кулайской АК. В отличие от вышеназванных, он имеет местный генезис и может рассматриваться как самостоятельная культура в границах кулайской КИО [22, с. 78 – 94]. Похожая картина вырисовывается в Кондинском крае и Нижнем Приобье, где уже в эпоху бронзы и начале раннего железного века возникла подоснова (в виде культурных типов памятников), подобная той, на которой сформировались кулайские древности Среднеобья.

На мой взгляд, примерно на рубеже IV – III вв. до н. э. в таежной зоне Западной Сибири складываются культуры, определяемые нередко как *локальные вари-*

анты кулайской культуры (точнее – общности) [21]. Ареал кулайской КИО в значительной степени совпадает с ареалом культур керамики с гребенчато-ямочным орнаментом эпохи поздней бронзы. Повидимому, корни первой уходят в КИО «гребенчато-

ямочной керамики». Именно генезисом кулайских культур, в первую очередь, а не миграциями, может объясняться та гигантская территория, на которой изначально формируется кулайская КИО.

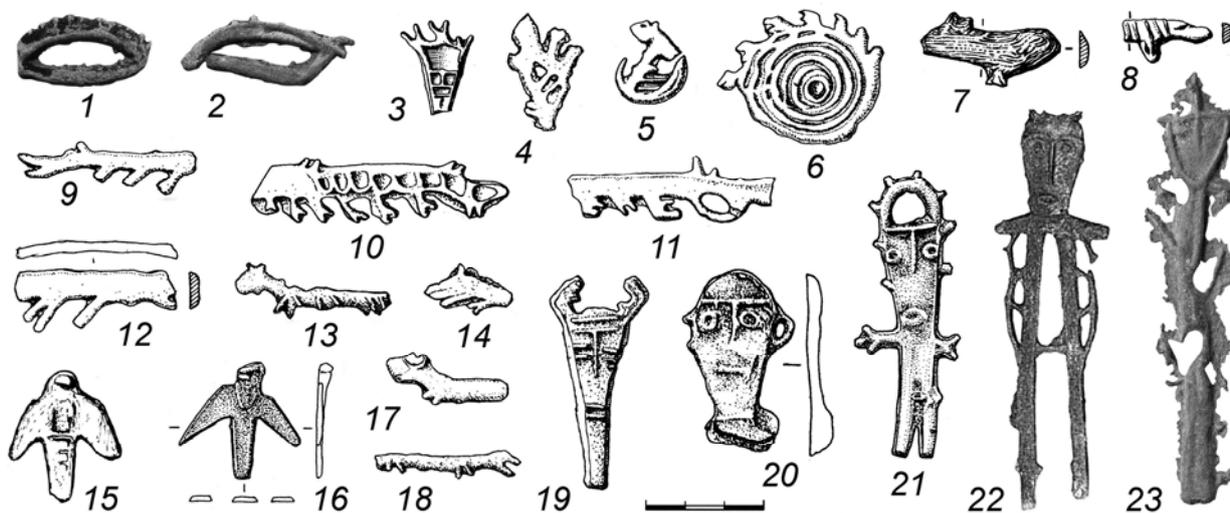

Рис. 1. Металлопластика эпохи бронзы и начала железного века из Сургутского Приобья:
 1 – 2 – сел. Мохтикъяган 8; 3, 7 – гор. Барсов городок I/3; 4 – 6, 10 – 11, 15, 17 – сел. Барсова гора III/49 (объект 161); 8 – гор. Барсов городок III/1; 9, 20 – 21 – сел. Барсова гора IV/10; 12 – сел. Барсова гора III/22; 13, 18 – сел. Барсова гора I/21; 14 – пос. Барсова гора III, объект 240; 16 – сел. Барсова гора III/72; 19 – сел. Барсова гора III/19; 22 – гор. Стрелка; 23 – сел. Мохтикъяган 4 (1 – 2, 23 – по Е. В. Переваловой, К. Г. Карачарову; 22 – по О. В. Кардашу, Т. М. Пономаревой)

Представления о кулайском культовом литье, или кулайской металлопластике, также сложились на основе находок в Томско-Нарымском Приобье. В свое время В. Н. Чернецов, не представляя кулайскую керамику, рассматривал «плоское и ажурное литье с их стилистическими особенностями... как западный и восточный варианты одного и того же явления» [24, с. 175 – 176]. Согласно взглядам Л. А. Чиндиной, для ранних изделий характерны плоское одностороннее литье, ажурность, стилизованность, скелетный стиль... [26, с. 40]. В одной из последних обобщающих работ, посвященных кулайскому литью, Ж. Н. Труфанова также ограничилась анализом находок из Томско-Нарымского, Новосибирского и Барнаульского Приобья, которые она объединила понятием «Верхнее Приобье» [19, с. 13]. При этом она отметила, что материалы с территорий Сургутского Приобья, Среднего и Нижнего Прииртышья «несравнимы с верхнеобскими в количественном отношении» и существенно отличаются от них в морфологическом отношении. Соглашаясь со вторым утверждением, отмечу, что сегодня в Сургутском Приобье найдено такое же количество ранней металлопластики, как и в Нарымском [23]. И в этой связи встает вопрос – можно ли считать сургутское литье кулайским? Учитывая, что практически все археологи согласны с тем, что этот регион входил в ареал формирования культуры [26, с. 118], следует признать кулайским и местное литье.

В отличие от Нарымского Приобья, в Сургутском значительное число бронзовых поделок происходит из раскопок, то есть документированы. Поэтому здесь легче проследить эволюцию металлопластики. Самые ранние ее образцы датируются эпохой бронзы. С Сайгатино VI происходит литейная форма, предположительно, антропоморфа в круге [6, рис. 4 – 2]. Небольшие ажурные абстрактные поделки, напоминающие овалы с короткими отростками на одной из сторон, найдены на атлымском поселении в бассейне Агана (рис. 1 – 1-2) [12, с. 50]. Следующая серия изделий (21 экз.) связана с белоярской культурой, предшествовавшей кулайской. Это также небольшие фигурки, среди которых преобладают зооморфы, есть также антропоморфы и орнитоморфы (рис. 1 – 3-23). Все изделия выполнены в технике одностороннего плоского литья с незначительным рельефом, ажурность среди них минимальная. Интересно, что на восточной и южной окраинах региона, в бассейнах р. Аган и Большой Юган, изделия несколько крупнее и ажурнее. Антропоморф, найденный на городище Стрелка [5, ил. 6], близок напасским, но меньше их в 2 – 2,5 раза (рис. 1 – 22). Собственно кулайские поделки значительно уступают нарымским по размерам, среди них намного меньше ажурных, различаются и сюжеты. Таким образом, сургутская кулайская металлопластика отличается по ряду показателей от нарымской и имеет свои корни, уходящие в эпоху бронзы.

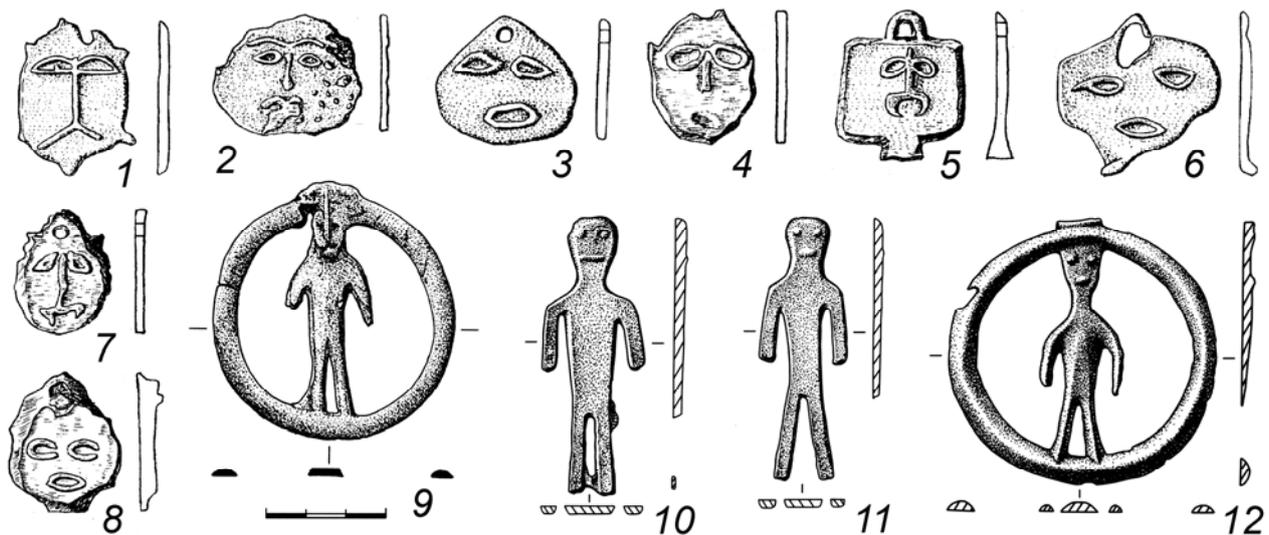

Рис. 2. Металлопластика эпохи бронзы и начала железного века из Среднего Прииртышья: 1 – 8 – гор. Старый Погост; 9 – мог. Черноозерье I; 10 – 12 – мог. Боровянка XVII (1 – 8 – по В. А. Могильникову; 9 – по В. И. Стефанову; 10 – 12 – по Л. И. Погодину, А. В. Полеводову, А. Я. Труфанову)

Оригинальна металлопластика усть-полуйской культуры. Ее генезис еще не стал предметом специальных исследований, но отметим, что в этом регионе также известно культовое литье эпохи поздней бронзы [2, с. 190]. Металлопластика бронзового или начала железного веков известна и в Среднем Прииртышье (могильники Боровянка XVII, Черноозерье I, городище Старый Погост). И хотя могильники относятся к андроновскому миру (рис. 2 – 9-12), влияние этого мира на культуру населения лесной полосы очевидно [17, с. 116; 14, с. 202]. Свообразны личины с городища Старый Погост, «которые... входят в круг бронзового плоского зоо- и антропоморфного литья населения лесной полосы Западной Сибири VII – VI – IV – III вв. до н. э., обнаруживая наибольшее сходство, но не тождество с фигурками из Тарско-Тобольского Прииртышья, Нижнего Приобья и лесного Зауралья» [11, с. 119] (рис. 1). Они датируются предкулайским временем, но, при всей оригинальности, выполнены по канонам, характерным для кулайского литья (рис. 2 – 1-8).

Беглый обзор металлопластики из таежных районов распространения кулайских культур показывает, что культовое литье появляется здесь уже в бронзовом веке и существует в начале эпохи раннего железа, в предкулайский период. А прототипы ряда иконографических образов, в том числе в скелетном стиле, можно увидеть даже в рисунках на энеолитической

керамике урало-сибирского региона (рис. 3) и на уральских писаницах. Повсеместно в западносибирской тайге складывается система миропонимания и религиозные представления, при которых в обрядовой практике были задействованы бронзовые отливки. Мне неизвестны таковые только в Нарымском Приобье, но и тут корни бронзового литья эпохи раннего железа видят, в том числе, в самусьских древностях [7, с. 43; 8 и др.]. Я убежден, что и в этом регионе будут открыты предкулайские памятники с культовыми изделиями из бронзы.

Поэтому логично предположить, что не знакомство с петроглифами Саяно-Алтая повлияло на становление кулайского искусства, а наоборот, контакты с кулайским миром привели к появлению «кулайских» образов на скалах р. Томи. В пользу этого указывает и единичность приписываемых «кулайцам» петроглифов, и малочисленность их образов, в отличие от металлопластики. Не исключено непосредственное появление здесь представителей кулайских общин, и возможное изменение или расширение их традиционных ритуальных действий под влиянием местных обрядовых практик у подножья гор. А традиционные ритуалы маркируются такими памятниками, как Елыкаевский клад, Айдашинская пещера, Ишимская коллекция в предгорьях Кузнецкого Алатау и Восточных Саян, «клад» ажурного литья, найденный мародерами от археологии где-то в Хакасии [20].

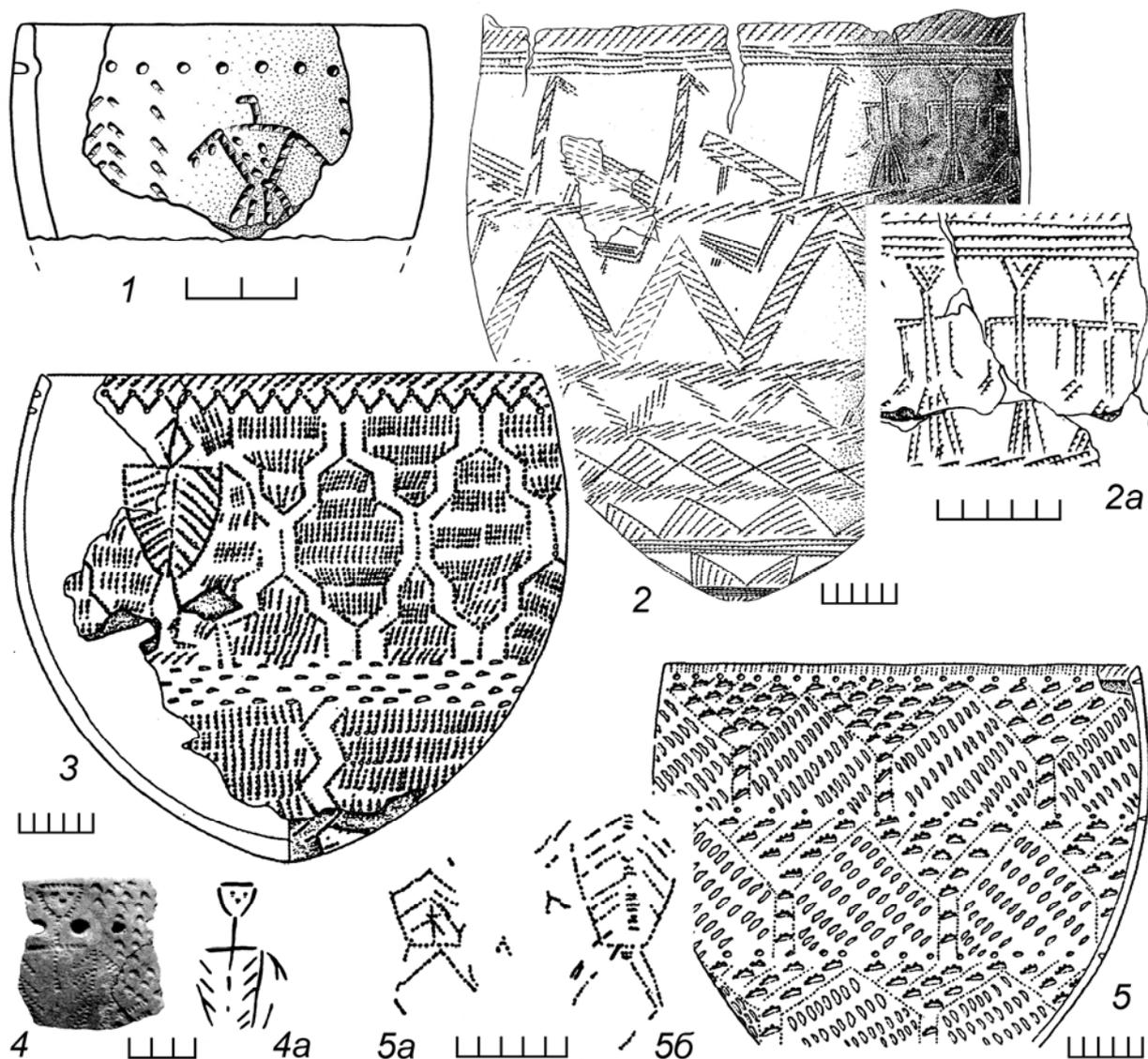

Рис. 3. Энеолитические сосуды с орнито- и антропоморфными изображениями с памятников Урала и Западной Сибири: 1 – мог. Боровянка XVII; 2 – пос. Палатки I; 3, 5 – пос. Волонча I (5a, 5б – рисунки на внутренней стороне сосуда); 4 – пос. Старый Хангокурт II (1 – раскопки Л. И. Погодина; 2 – по В. Д. Викторовой; 3 – 5 – по С. Ф. Кокшарову)

Литература

1. Бобров В. В. Петроглифы Сибири и кулайская металлопластика // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: мат-лы тематич. науч. конф. (СПб., 1 – 4 декабря 2004 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 309 – 313.
2. Васильев Е. А. Исследования в Нижнем Приобье // АО-1981. М.: Наука, 1983. С. 189 – 190.
3. Данченко Е. М. К вопросу о среднеиртышской культуре раннего железного века // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 59 – 62.
4. Елагин В. С., Молодин В. И. Бараба в начале I тысячелетия н. э. Новосибирск: Наука, 1991. 126 с.
5. Кардаш О. В., Пономарева Т. М. Аварийные археологические раскопки на городище Стрелка в Сургутском районе ХМАО-Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей. Томск – Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 8. С. 312 – 321.
6. Кокшаров С. Ф., Чемякин Ю. П. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. С. 43 – 52.
7. Косарев М. Ф. О некоторых обских орнаментах // КСИА, 1964. Вып. 101. С. 44 – 48.
8. Матющенко В. И. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV // СА, 1961. № 4. С. 266 – 269.

9. Могильников В. А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 172 – 190.
10. Могильников В. А. К вопросу о контактах населения Среднего Приобья и Прииртышья в раннем железном веке // Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 84 – 92.
11. Могильников В. А. Предметы бронзового литья с городища Старый Погост // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. № 3. С. 114 – 121.
12. Первалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия "ГРАФО", 2006. 352 с.
13. Плетнева Л. М. Томское Приобье в кулайское время // Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 51 – 58.
14. Погодин Л. И., Полеводов А. В., Труфанов А. Я. Бронзовая антропоморфная пластика могильника Боровянка XVII // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург – Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 170 – 194.
15. Рыбаков Д. Ю. Томское Приобье в конце IV/III вв. до н. э. – IV в. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2014. – 24 с.
16. Соловьев А. И. К вопросу о художественном содержании кулайского «плоского» литья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1998. Т. IV. С. 344 – 350.
17. Стефанов В. И. Забытая находка из Черноозерского могильника // СА, 2004. № 4. С. 114 – 118.
18. Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.
19. Труфанова Ж. Н. Плоское ажурное литье кулайской культуры (стилистика-иконографический анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003. 26 с.
20. Филин Д. Кулайский комплекс из Хакасии // Домонгол. Альманах древней культуры и искусства. М.: Форум "Домонгол"; ООО "Альфа 2002", 2011. Вып. 2. С. 44 – 54.
21. Чемякин Ю. П. Кулайская культурно-историческая общность // II Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург – Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 376 – 403.
22. Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут – Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.
23. Чемякин Ю. П. Культурная металлопластика раннего железного века Сургутского Приобья // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения: сборник Музея археологии и этнографии Сибири. Томск: Том. гос. ун-т, 2013. Вып. 3. С. 372 – 386.
24. Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1953а. № 35. С. 121 – 178.
25. Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1953б. № 35. С. 221 – 241.
26. Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.
27. Чиндина Л. А. Проблемы кулайской культуры: вчера и сегодня // II Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург – Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 404 – 421.

Информация об авторе:

Чемякин Юрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, yury-che@yandex.ru.

Yury P. Chemyakin – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of World History, Ural State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.